

Семейство Чай было известно в мире боевых искусств. Отца звали Старина Чай, сына — Сяо Чай, а невестку — Госпожа Чай. Никто не знал их происхождения, но все, кто сталкивался с ними, знали, что они были как обычная семья — отец добрый, сын почтительный, а невестка покорная. Никто бы не подумал, что они связаны с миром боевых искусств.

Лу Сяофэн узнал их скорее благодаря интуиции, чем чему-то другому.

— Ты действительно знаком со всеми, Лу Сяофэн.

Хуа Маньлоу, не то с похвалой, не то с иронией, улыбнулся.

— Они следили за мной всю дорогу, но я не знаю их истинных намерений.

Старина Чай, держа мотыгу, приземлился на кривом дереве во дворе и засмеялся:

— Молодой господин Хуа слишком скромен. Даже если мы не знаем наших истинных намерений, ты всё равно один из самых достойных людей в мире!

Сяо Чай, несмотря на своё имя, был крепким мужчиной, как и говорила его жена. Он стоял под деревом, словно настоящий крестьянин, а рядом с ним, скромно опустив голову, стояла изящная женщина — Госпожа Чай.

— Отец, я сначала разберусь с этими людьми, а потом мы поговорим с молодым господином Хуа.

Сяо Чай вытащил из чёрного пояса скалку, и Лу Сяофэн даже подумал, что на этой толстой и длинной палке осталась мука от их обеда.

Наёмники во дворе явно не ожидали, что на их пути появятся три неожиданных гостя. Несколько лидеров переглянулись, а затем одновременно вытащили оружие, словно чёрные муравьи, устремившись к кривому дереву — очевидно, что без устранения этих троих задание выполнить не удастся.

— Что думаешь?

Пока семейство Чай сражалось с наёмниками, Лу Сяофэн подошёл к Хуа Маньлоу, потирая свои тонкие усы, и тихо спросил.

— У тебя же уже есть план?

улыбнулся Хуа Маньлоу.

— Откуда ты знаешь, что у меня есть план?

Лу Сяофэн не верил, что в мире есть что-то настолько странное — Хуа Маньлоу действительно ничего не видел?

— Когда у тебя появляется план, ты начинаешь тереть усы, а звук, который ты издаёшь, прикрывая рот рукой, я слышу.

Хуа Маньлоу серьёзно объяснил, без тени шутки.

...

— В следующий раз, когда буду с тобой, мне нужно быть осторожнее.

Лу Сяофэн простонал — если он даже это слышит, то если я когда-нибудь попытаюсь его обмануть, мне будет худо.

— Не волнуйся, если другие не хотят, чтобы я что-то слышал, я не дам им знать, что слышу.

Хуа Маньлоу с шумом закрыл веер, и свет красной сливы исчез, оставив только ночь.

... Лу Сяофэн замолчал — его шутка была слишком резкой?

— Пойдём, если сейчас отправимся в город, успеем к завтраку.

Хуа Маньлоу не выглядел раздражённым, его лицо и голос оставались мягкими, а фонарь, который снова оказался у него в руке, излучал слабый свет. Он прошёл через двор, где продолжалась битва, не запачкав одежду.

Лу Сяофэн скривился и последовал за ним.

Семейство Чай всё ещё сражалось, и, заметив, что двое ушли, они мысленно вздохнули — их действительно использовали как наёмников!

Хотя настоящими жертвами были наёмники, которые даже не смогли дотронуться до своих целей. Они действительно были беспомощны!

Однако двое главных героев ушли без колебаний, и через мгновение их следы исчезли.

Лу Сяофэн и Хуа Маньлоу, оставив наёмников на семейство Чай, как и говорил Хуа Маньлоу, прибыли в город как раз к завтраку. Улицы были полны людей.

— Хуа Маньлоу, я угощу тебя здесь тонкими лепёшками с мясом, а ещё добавлю вонючего тофу. Уверен, ты будешь есть с таким удовольствием, что масло потечёт по губам, а на носу выступят капельки пота!

Лу Сяофэн, понимая, что сказал лишнее, поспешил предложить.

— Зачем мне есть так, чтобы масло текло по губам, а на носу выступали капельки пота?

Хуа Маньлоу с улыбкой посмотрел в сторону, хотя и не видел его выражения, но мог представить его хитрое лицо.

— ...Просто холодно. Горячая и острая еда согреет.

Лу Сяофэн потер усы — почему-то ему показалось, что он неудачно подлизался.

— Моя внутренняя энергия не так сильна, как у тебя, но я могу справиться с этим холодом.

Хуа Маньлоу прислушался, и, услышав, как официант кричит о пельменях, остановился у входа.

— Может, я угощу тебя тарелкой пельменей? В знак благодарности за прошлую помощь.

— Мы же друзья, не будем говорить такие формальности!

Лу Сяофэн наконец нашёл способ исправить ситуацию и сразу же согласился:

— Я угощаю.

Хуа Маньлоу покачал головой, больше не шутя, и вошёл внутрь, выбрав место у окна.

— Одну тарелку с пельменями из пастушьей сумки и тофу, одну с грибами и мясом.

Лу Сяофэн, бродячий по миру боевых искусств, чаще всего общался именно с официантами.

— Ты будешь есть две тарелки сам?

Хуа Маньлоу перевёл взгляд с улицы на человека напротив.

— Одна для тебя, ты же любишь пастушью сумку?

Лу Сяофэн занялся тем, что ставил палочки и тарелки.

Хуа Маньлоу улынулся, не продолжая расспросов, и прислушался к разговору за соседним столиком.

Фестиваль цветов в Сянхэ имел трёхтысячелетнюю историю, и людей, приехавших в соседние города, чтобы посмотреть на него, было немало. Уже с утра в гостинице было полно народу.

— Фестиваль начинается завтра, почему сегодня уже столько людей?

Лу Сяофэн налил две чашки цветочного чая с лёгким ароматом орхидей, сделал глоток и поставил чашку.

— Опять аромат орхидей, если так пойдёт, Сянхэ скоро переименуют в Орхидейную реку.

Хуа Маньлоу поднёс чашку к носу:

— Это не тот же аромат, что на свитке.

Лу Сяофэн кивнул:

— Верно, аромат орхидей на твоих свитках явно более изысканный.

— Аромат на двух свитках тоже разный.

— Что?

Лу Сяофэн достал из рукава два письма, поочерёдно поднёс их к носу и понюхал.

— Разве они не одинаковые?

Хуа Маньлоу покачал головой:

— На втором свитке есть лёгкий запах горного тумана, что говорит о том, что аромат орхидей пришёл с гор, а на первом его нет.

— Ты говоришь, что эти письма были отправлены разными людьми?

— Я разве говорил, что они от одного человека?

Хуа Маньлоу наклонил голову, в его улыбке была доля озорства.

...

Лу Сяофэн потер нос — он признал, что его нос не так чувствителен, как у Хуа Маньлоу.

Когда две тарелки горячих пельменей были поданы, Лу Сяофэн уже собирался убрать два письма, принесшие столько хлопот, и насладиться утренней едой, как вдруг заметил, что шумная гостиница внезапно затихла, и множество напряжённых взглядов устремились в одну сторону — на их столик.

— Эй, дружище, можно присоединиться?

Атмосфера накалилась, когда странно одетый мужчина с развязным видом сел слева от Лу Сяофэна.

— Этот господин... интересный вкус.

Лу Сяофэн осмотрел мужчину. На вид ему было около двадцати лет, его лицо было покрыто грязью и синяками, скрывающими большую часть черт, но его чёрные, блестящие глаза, словно два чёрных обсидиана, привлекали внимание. Уверен, что любой, кто видел его впервые, был бы очарован этими глазами, не обращая внимания на его грязное лицо и одежду.

Однако опытный Лу Сяофэн оставался спокоен. Помимо первого впечатления, его больше интересовала странная манера одеваться мужчины — на нём был толстый и мешковатый хлопковый халат, а вокруг шеи был намотан толстый шарф, причём судя по неровным стежкам, он был сделан его же руками — настоящий бродяга.

— Дружище, ты прав! В наше время мало кто хвалит мой вкус.

Бродяга хлопнул себя по бедру, а затем с энтузиазмом позвал официанта:

— Эй, официант, принеси всё, что у тебя есть на завтрак! Если чего-то не будет, не заплачу!

Официант замешкался, не решаясь выполнить заказ, нервно теребя полотенце.

— Ты один всё это съешь?

Хуа Маньлоу задал вопрос, который интересовал официанта.

Но, очевидно, Лу Сяофэн лучше понимал, что действительно беспокоило официанта.

— Не скажешь, что у тебя, с твоим видом, есть целое состояние!

<http://bllate.org/book/16229/1458009>